

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию *Миролюка Дениса Алексеевича*

«*Российско-польские отношения на калининградском направлении в 1991-2016 гг.*»,

представленную на соискание степени кандидата исторических наук, специальность

07.00.03 Всеобщая история (новая и новейшая история)

Актуальность темы представленного диссертационного исследования не вызывает сомнений. Во-первых, речь идет о традиционно непростых российско-польских отношениях, претерпевших с момента распада социалистической системы периоды спадов и подъема. Значимость двух государств друг для друга, хоть и носит асимметричный характер, высока. Польша постепенно стала одним из серьезных игроков в европейской политике, а ее экономика считается многими примером успешного перехода к рынку при сохранении общей устойчивости и многообразия жизнеспособных отраслей хозяйства. При этом российско-польские отношения развивались не просто. Их омрачает сложное историческое прошлое, взаимное недоверие политических элит, конфликтующие векторы обеспечения национальной безопасности. В силу политических проблем торговля и экономическое сотрудничество, а также культурный и образовательный обмен между двумя странами далеки от полноценной реализации имеющегося потенциала.

На этом фоне приграничное сотрудничество между регионами Польши и России представляет собой интереснейший материал для анализа. В особенности, если мы учитываем уникальное положение российской Калининградской области. Как отмечает автор, «именно здесь приграничное сотрудничество приобрело характер устойчивости к изменениям «градуса» внешнеполитических отношений, а механизмы, задействованные в этих целях, стали универсальными» (с.4). Проблематике геополитического положения региона, его роли в региональных процессах, во внешней политике и национальной безопасности России посвящено большое количество научных исследований. На их фоне представленное исследование, безусловно, обладает новизной, занимая свою уникальную нишу. Диссертация затрагивает множество проблем, в целом, вполне успешно объединяя их в рамках одного текста: эволюция российско-польских отношений, проблематика осуществления субъектами РФ внешних связей, темы приграничного сотрудничества в условиях социалистического блока и в постсоветский период и т.п.

Диссертантом была поставлена цель выявить особенности российско-польских отношений в 1991-2016 гг. и определить степень воздействия на их развитие сотрудничества Калининградской области РФ с воеводствами Польши. Для этого было последовательно решено

несколько задач. Сначала была рассмотрена эволюция российско-польских отношений в 1991-2016 гг., выделены ее основные этапы и характерные черты. Этому сюжету посвящена первая глава – «Особенности внешнеполитических отношений «новой» Польши и Российской Федерации в конце XX – начале XXI века». Эволюция российско-польских отношений проанализирована комплексно. Продемонстрировано влияние внутренних (экономический кризис в России, историческая политика и т.п.) и внешних (например, вступление Польши в НАТО и ЕС) факторов на их динамику. Особый интерес представляют характеристики роли политических и государственных деятелей в развитии двусторонних отношений (Р. Сикорского, Л. Валенсы, Б. Ельцина).

Вторая глава начинается с ретроспективы советско-польского приграничного сотрудничества во второй половине XX, что выглядит вполне уместным. Далее рассматривается развитие нормативно-правовой базы и институтов российско-польского приграничного сотрудничества после распада СССР. Подробно рассмотрено формирование и деятельность Совета по сотрудничеству регионов Республики Польша с Калининградской областью Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что наиболее результативной работа Совета была в первой половине 90-х годов XX века. Этот период стал «экспериментальным ... для российско-польского приграничного сотрудничества» (с.90). Точно подмечено влияние на приграничное сотрудничество разницы в компетенции и полномочиях польских воевод и губернатора Калининградской области (с.70). Рассмотрена деятельность зарубежных представительств российского региона и польских воеводств, создание и работа Представительства МИД РФ в Калининградской области. В целом, следует отметить, что материал второй главы представляет большой интерес в качестве отдельного кейса в контексте эволюции регулирования внешних связей субъектов РФ. Большое внимание в тексте второй главы уделено формату еврорегионов с участием российских и польских регионов – как сформированных до вступления Польши в ЕС, так и программ трансграничного сотрудничества, софинансируемых Евросоюзом в рамках Европейской политики соседства. Диссертантом продемонстрировано редкое для российского академического и экспертного сообщества понимание нюансов функционирования ЕПС и ее инструментария в области трансграничного сотрудничества.

В третьей главе рассмотрена эволюция сотрудничества Калининградской области РФ с воеводствами Польши (Варминско-Мазурское, Поморское, Западнопоморское и Подляское воеводства) в контексте российско-польских двусторонних отношений. Пропорционально интенсивности межрегиональных связей наибольшее внимание в главе уделено сотрудничеству Варминско-Мазурского и Поморского воеводств с Калининградской областью. Здесь же диссертантом рассмотрен интереснейший сюжет с введением малого приграничного

передвижения. Предпринята вполне успешная попытка встроить этот сюжет в анализ взаимодействия по визовым вопросам между Россией-Польшей-ЕС. Отдельно проанализирован уровень межмуниципального взаимодействия, что представляет особый интерес. Заканчивается глава обзором народной дипломатии на региональном уровне. Речь идет о роли различных региональных общественных организаций в развитии российско-польского приграничного сотрудничества.

Структура работы соответствует поставленным цели и задачам. Вместе с тем, принцип, по которому в одной главе могут встречаться логически неравнозначные и слабо связанные друг с другом параграфы, непонятен. Например, третья глава (Сотрудничество Калининградской области РФ с северо-восточными воеводствами Польши как фактор выстраивания российско-польских отношений в 1991-2016 гг.) подразделена на два параграфа, где первый посвящен местному приграничному передвижению на российско-польской границе, а второй – «ключевым аспектам сотрудничества Калининградской области Российской Федерации с северо-восточными воеводствами Польши».

Собранный и обобщенный диссертантом материал, а также введенные впервые в научный оборот и ранее недоступные широкой публике источники (например, по межмуниципальному сотрудничеству), несомненно, обладают большой значимостью для дальнейшего изучения тематики российско-польского приграничного сотрудничества. Представленный в работе материал будет крайне полезен и заинтересованным представителям академического сообщества, и практикам российско-польского двустороннего сотрудничества. Исследование базируется на объемном и разнообразном фундаменте из источников и литературы (288 наименований) на русском, английском и польском языках.

Вместе с тем, диссертационное исследование не лишено и некоторых недостатков.

К несущественным комментариям по тексту следует отнести:

1. *Опечатки и стилистические погрешности.*

«Северного совета атлантического сотрудничества» (с.23), «как раз-таки» (с.35), «выходки польских демонстрантов, ворвавшихся на территорию российского генконсульства в Познани» (с.36), «(в «скромности» оценок тут Сикорскому не откажешь! – Авт.)» (с.56); политологическая / социологическая наука (с.184), «больше всего «звонили в колокола» сами калининградцы, активно привлекая в ряды своих союзников власти федерального центра» (с.124) и т.п.

Весьма необычно выглядит маркировка приложений как «рекомендуемых», либо «справочных»: Приложение А (рекомендуемое); Приложение Б (справочное); Приложение В (справочное) и т.д.

2. *Возможные неточности.*

На странице 43 упоминается «глобальный экономический кризис 2009 года».

В первой главе говорится, что «после заключения межправительственного соглашения Россия-ЕС о взаимных поездках с 01 января 2007 года появились шенгенские визы» (с.40). Возникает вопрос, что автор имеет в виду: вступление в силу Соглашения об упрощении выдачи виз между Россией и ЕС (июнь 2007 г.), присоединение Польши и Литвы к Шенгенскому пространству (декабрь 2007 г.), или же еще что-то?

Комментируя присоединение Польши к ЕС, диссертант пишет: «Теперь Польша становилась активным механизмом реализации Восточной политики Европейского союза» (с.42). Тут необходимо учитывать, что до вступления Польши в ЕС восточной политики (если таковой можно называть то же Восточное партнерство) у Евросоюза и не было. В 2002-2003 гг. предложения еще только готовившейся вступить в ЕС Польши, в также Великобритании по Европейской политике соседства как ориентированной исключительно на восточных соседей (без России) были отвергнуты другими странами-членами. После этого понадобилось много времени и существенных изменений в регионе, чтобы Восточное партнерство стало возможным.

В тексте диссертации наравне с ЕС периодически упоминается некое «Европейское сообщество» (с.116, с.198 – список источников и литературы). Автор, очевидно, переносит этот термин в текст из соответствующих международных договоров. Действительно, в соглашениях между Россией и ЕС в период с 1993 по 2009 гг. часто можно увидеть термин «Европейское сообщество». С юридической точки зрения такая формула означает, что соглашение подписывается Евросоюзом в рамках его наднациональной компетенции (см. систему «трех опор», просуществовавшую до вступления в силу Лиссабонского договора). Следовательно, чтобы не усложнять восприятие материала читателем логичнее, говоря о периоде с 1993 г. писать «Европейский союз». Тем более формально сообществ, вообще, было три, а одно из них (Евратом) существует до сих пор.

На странице 52 говорится о создании Польшей «совместно со Швецией в 2008 году «Восточного партнерства». Корректнее было бы писать либо о выступлении Польши и Швеции с инициативой Восточного партнерства в 2008 г., либо об официальном учреждении Восточного партнерства в 2009 г.

На странице 57 говорится о Республике Беларусь, «которая и является той шестой страной «Восточного партнерства», не согласившейся с рядом условий этого проекта». Участие данного государства в Восточном партнерстве с самого начала решением ЕС было ограничено несколькими форматами и направлениями. Республике Беларусь дали понять, что полноценно участвовать в Восточном партнерстве она сможет только после того, как выполнит условия ЕС по демократизации. Соответственно, у белорусского руководства было объективно мало

возможностей от чего-то отказаться в рамках ВП. Исключением является, пожалуй, дискриминационный формат участия Беларуси в Euronest, а также проблема участия президента А.Лукашенко в саммитах Восточного партнерства.

На стр. 110 диссертант пишет о программе ТАСИС как призванной «укрепить межгосударственные и интеграционные связи с 12 государствами Восточной Европы и Средней Азии». При этом, по мнению диссертанта, «особенностью программы Тасис является то, что она изначально задумывалась как инструмент поддержки регионов третьих стран с экономикой в переходном периоде». Отметим, что основной задачей ТАСИС было способствовать проведению экономических реформ в соответствующих странах. Интеграционная компонента в программе отсутствовала, а поддержка трансграничного сотрудничества постепенно сформировалась как одно из направлений и не была первоначальной задачей. Среди основных претензий к программе ТАСИС наблюдателями упоминалось то, что средства ЕС тратятся на консультации, предоставляемые самими европейскими экспертами. Последние не всегда понимают специфику соответствующих постсоветских государств, а проекты, поддержанные ТАСИС, после завершения финансирования не дают положительных, системных результатов. Одним словом, в этом сюжете, было бы целесообразно посмотреть не только российских авторов, но и, например, доклад Палаты аудиторов (Счетной палаты) Евросоюза о результатах оценки ТАСИС.

3. Часть утверждений *требует пояснений*.

На стр.17-18 диссертант ссылается на доклад аналитического центра Rand под названием «Внешняя политика Польши под руководством антикоммунистического правительства: перспективы и проблемы». По его мнению, «основываясь на данных материалах, можно сделать вывод о целенаправленном отдалении Польши от СССР». Остается непонятным, кто целенаправленно отдалял Польшу от СССР и почему об этом свидетельствует доклад Rand Corporation.

На стр.21 говорится о встречах польского руководства с Генеральным секретарем НАТО: «В дальнейшем Вернер неоднократно посещал Польшу, готовя почву для распространения влияния НАТО на плацдарме Центрально-Восточной Европы (сентябрь 1990 года, март 1992 года). В тот момент представители НАТО уже не опасались открыто выразить свои далеко идущие планы по созданию единой оси безопасности от «Ванкувера до Владивостока». Возникает вопрос, если речь шла о формировании безопасности от «Ванкувера до Владивостока» (а следовательно вместе с Россией), чего или кого должны были опасаться представители НАТО?

На стр.23 говорится: «Россия, в свою очередь, оказалась заложником либеральных представлений о «тюрьме народов», чему способствовала исковерканная историческая

политика и глубокий экономический кризис, усугублявшийся неразберихой на местах». Очевидно, что без должной аргументации такой тезис выглядит не очень уместно в строго научном исследовании.

На стр.24 диссертант пишет: «Польская сторона продолжала совершать негативные выпады в адрес российского руководства, а ряд небольших инцидентов поддерживал общую отрицательную атмосферу. 1 июля 1995 г. Польша стала полноправным членом ВТО, что стало прелюдией к последующему вступлению в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), а затем и Европейский союз». Во-первых, из текста непонятно, как «негативные выпады» связаны с вступлением Польши в ВТО. Если же не связаны, то какие тогда «негативные выпады» имеются в виду? Во-вторых, отметим, что присоединение той или иной страны к ОЭСР не связано с вступлением в ЕС. Не все члены Евросоюза являются членами ОЭСР. А переговоры о присоединении к ОЭСР до начала 2014 г. вела и Россия.

На стр.27 утверждается: «В дальнейшем рост польской экономики замедлился. Это стало реакцией на глубокий финансовый кризис в России, достигший пика в 1998-1999 годах и ряд внутрисполитических факторов». Далее приводятся данные по динамике роста ВВП России и Польши, подготовленные автором на основе материалов Всемирного банка. Очевидно, что для доказательства связи между динамикой российского и динамикой польского ВВП требуется дополнительная аргументация и желательно со ссылками на экономистов.

На стр.28 указывается, что «концепция «шоковой терапии», успешно реализованная в рамках польской экономической модели, оказалась неприменима в исторических и экономических условиях России». Из данного утверждения неясно, пытались ли в России применить польский опыт или же отказались. Очевидно, что российская шоковая терапия отличалась от польской не только условиями, но и содержанием и методикой проведения. По этому сюжету есть целый пласт литературы, включая воспоминания участников процесса.

На стр.36, насколько можно судить из текста, говорится о попытках российского руководства в 90-е годы XX в. вовлечь Польшу в некое военно-политическое сотрудничество: «российская сторона, казалось бы, оценила ошибки прошлой администрации президента в деятельности по принуждению Польши к военно-политическому союзу и смирилась с ее евроатлантическими устремлениями» (с.36).

На стр.62 говорится: «Последний фактор имеет особое значение, так как с позиций руководства СССР стратегическое значение региона основывалось практически исключительно на его военной-промышленной составляющей. Этой позиции придерживается также П.П. Полх, подчеркивая, что официальной точкой отсчета в советско-польском приграничном сотрудничестве следует считать 30 июня 1956 года, когда был подписан договор между СССР и ПНР о сотрудничестве в промышленной, культурной и других сферах.». Возникает вопрос,

какова логическая связь между военно-промышленной составляющей, приграничным сотрудничеством и договором между СССР и ПНР?

На стр.81 диссертант со сноской на другого автора указывает: «Представительство в Калининграде было открыто 14 августа 1992 года одновременно еще с тремя схожими дипломатическими подразделениями в Биробиджане, Хабаровске и Чите, что сыграло немаловажную роль в сложном процессе развития российско-польских отношений в регионе [126].». Вероятно, было бы нелишним пояснить, чем были схожи соответствующие представительства МИД, чем они отличались от остальных.

В тексте работы справедливо указывается на существующие различия в определении того, что такое «приграничное сотрудничество». Перечисляются отдельные российские авторы, занимающиеся проблематикой. Диссертантом упоминается также термин «трансграничное сотрудничество». На страницах 86-87 раскрывается происхождение понятия «еврорегион». При этом из текста не следует, есть ли принципиальная разница между этими тремя терминами, а если есть, то какого подхода в диссертации придерживается сам автор.

На стр.113 говорится о том, что «ЕС в 2007 г. предложил в закамouflированном виде свою помощь в форме Программы соседства и партнерства, российское руководство ответило симметрично и предложило равнозначный финансовый вклад с российской стороны» (с.113). Пусть этот тезис диссертант и приводит со ссылкой на другого автора, он от этого не перестает требовать соответствующей аргументации. Непонятно, о какой «программе соседства и партнерства» идет речь. Можно предположить, что имеется в виду финансовый инструмент (он же – графа в бюджете ЕС) – Европейский инструмент соседства и партнерства, из которого финансировались проекты и программы в рамках Европейской политики соседства. Россия в рамках ЕПС участвовала только в приграничном сотрудничестве. При этом программы приграничного сотрудничества финансируются из совокупных взносов всех участников – Евросоюза, страны-члена ЕС и страны-соседа ЕС. Таким образом, из утверждения непонятно, о какой «помощи в закамouflированном виде», вообще, идет речь.

4. *Классификация источников* вызывает некоторые вопросы.

В раздел «нормативно-правовые акты Европейского сообщества и Республики Польша» (с.198) попала конвенция Совета Европы. В раздел списка источников и литературы «Иные аналитические материалы и интернет-источники» отнесены очень разноплановые материалы – от официальных документов (например, «Дорожные карты» четырех общих пространств Россия-ЕС, 2015 г.) до публикаций в электронных СМИ. Возможно, стоило сгруппировать их по каким-то другим общим признакам кроме размещения в сети Интернет. Например, подразделить на «официальные материалы сайтов органов государственной власти»; «сообщения информационных агентств»; «материалы аналитических центров» и т.п.

5. Среди *методов* упоминаются некие «экономико-статистические методы, основанные на сравнительном анализе» (с.10), но в диссертации по истории их применение представляется затруднительным, поскольку потребовало бы полноценных выкладок с соответствующими формулами и расчетами, по которым любой экономист мог бы проверить чистоту процедуры. Также вряд ли в научном исследовании стоит упоминать «принципы научности» (с.10). Если бы автор ими не руководствовался, не могло бы идти и речи о диссертационном исследовании.

К *замечаниям дискуссионного плана* следует отнести проблему определения автором границы между историей и современностью. Повествование в диссертации, как и авторский анализ, постоянно балансируют между совсем недавним «*вчера*» и «*сегодня*». Это понятно, учитывая выбранный для изучения временной промежуток (1991-2016 г.), практически вплотную примыкающий ко времени проведения самого исследования. С другой стороны, в тексте регулярно появляются отсылки к текущей ситуации: говорится о современном сотрудничестве Польши и НАТО (с.33-34), о подходах современного польского руководства к советским памятникам (с.79), об активной фазе подготовки Калининградской области к проведению Чемпионата мира по футболу в 2018 году (с.88) и т.п. Такая ситуация не только разрывает канву исторического повествования, но и может сигнализировать о более глубокой проблеме – степени объективности/субъективности оценки событий прошлого. Приведем пример – если исследователь анализирует отношения по линии Россия-Польша-НАТО 90-х годов, будучи современником беспрецедентного ухудшения этих отношений на современном этапе и периодически обращаясь к этой проблеме в тексте, насколько серьезно это способно повлиять на интерпретацию событий прошлого. Следуя этому пути, политике того же Северо-Атлантического Альянса 90-х можно приписать то, о чем бюрократия и политическое руководство организации этого периода даже и не помышляли.

Следующий блок комментариев касается вопросов, которым в диссертационном исследовании, вероятно, можно было бы уделить чуть больше внимания.

1. Вероятно, можно было четче и более системно продемонстрировать в тексте диссертации *присутствие Калининграда именно в повестке российско-польских двусторонних отношений, а также в отношениях Россия-ЕС после вступления Польши в последний*. В целом, несмотря на справедливость аргументов автора относительно центральности сюжета с приграничным сотрудничеством для калининградского направления (с.12-13), очевидно, были и другие аспекты взаимодействия. Ведь в теме диссертации приграничное сотрудничество как центральный элемент не значится. Возможно, было бы уместным вспомнить, например, о встречах в формате «Калининградского треугольника». Тем более, диссертант упоминает даже идею расширения формата Веймарского треугольника за счет вовлечения России (с.54). Или о присутствии «калининградского сюжета» в Неофициальных предложениях МИД Польши по

политике соседства ЕС (Non-paper with Polish proposals concerning policy towards new Eastern neighbours after EU enlargement). Таких сюжетов множество. В противном случае, логично было бы вынести в тему работы именно «приграничное сотрудничество».

2. В тексте диссертации справедливо говорится о том, что малое приграничное движение между Калининградской областью и польскими воеводствами стоит рассматривать как интересный кейс в рамках всей истории с попытками введения безвизового режима между Россией и ЕС. В частности, упоминается Соглашение об упрощении выдачи виз 2006-2007 гг. При этом, в тексте отсутствуют характеристики такого формата как Визовый диалог Россия-ЕС (с 2007 г.). В частности, в рамках этого Диалога был принят документ «Совместные шаги на пути к безвизовому режиму для краткосрочных поездок граждан ЕС и России» (декабрь 2011 г.), предусматривавший, помимо прочего, сотрудничество по обустройству и безопасности общей границы Россия-ЕС. Схожих вопросов казалось и Соглашение о реадмиссии. Возникает вопрос, какое место в этих процессах играло калининградское направление.

3. В тексте работы иногда прослеживается избирательный подход к событиям – одним сюжетам уделено много внимания, другим совсем мало. Так, например, подробно говорится о заседаниях российско-польской Группы по сложным вопросам, а также о ранних попытках российско-польского примирения по вопросам общей истории. При этом из исследования выпали такие сюжеты как, например, заявление Государственной Думы РФ «О Катынской трагедии и ее жертвах» (2010 г.).

4. Несмотря на обширную библиографию исследования, в ней не нашлось места большому корпусу диссертационных исследований, посвященных калининградской проблематике. Среди исследований, коррелирующих с темой обсуждаемой диссертации можно назвать: Карабешкин Л.А. Калининградская проблематика в международных отношениях в постбиполярной Европе. М., 2005. 176 с.; Победенный М.Г. Пограничная политика Российской Федерации и особенности ее реализации в Калининградском регионе. М., 2008. 179 с.; Анищенков А.А. Развитие связей Калининградской области Российской Федерации с Республикой Польша в контексте расширения Европейского Союза и НАТО. М., 2006. 172 с.; Клемешев А.П. Проблема эксклавноности в условиях глобализации: на примере Калининградской области. М., 2006. 325 с.; Лорек Э. Развитие институциональной структуры экономики Вармийско-Мазурского воеводства Польши. Калининград, 2004. 197 с.

Каждое из озвученных замечаний по-отдельности не носит принципиального характера, однако, если представленное диссертационное исследование в перспективе планируется опубликовать в формате монографии, очевидно, тексту стоит придать большую системность и сбалансированность уровней анализа.

В остальном, диссертация представляет собой комплексное оригинальное исследование научной проблемы, и вносит свой вклад в историческую науку. Диссертационное исследование прошло серьезную апробацию не только в рамках многочисленных научных конференций, но и при выработке прикладных региональных стратегий. Перечень опубликованных по теме диссертационного исследования научных трудов обширен и разнообразен. Автореферат диссертации в полной мере отражает процедуру исследования и основные выводы. Программы аппаратной проверки уникальности текста также дают хороший результат (Etxt – 90%), что еще раз свидетельствует об авторском характере диссертации, а также о скромном уровне реферативности.

Полагаю, что диссертационное исследование соответствует специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история) (исторические науки), а также требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Миронюк Денис Алексеевич заслуживает присуждения ему степени кандидата исторических наук по указанной специальности.

Официальный оппонент

Трещенков Евгений Юрьевич

29 марта 2018 г.

кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
на постсоветском пространстве
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский Государственный Университет»

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд

тел. +7 (812) 576-62-29

E-Mail: e.treschenkov@spbu.ru

Подпись Трещенков Е.Ю.
Судоставлен
Заведующий кафедрой
Управления кадров
М.П. Холмунская
29.03.2018